

С. Г. Воркачев
Краснодар, Россия

ИГРЫ РАЗУМА: ИНТЕЛЛЕКТ В ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. *На материале афористических высказываний и бытового анекдота исследуются игровые функции лексических показателей познавательной способности. Устанавливается, что в игровой тональности дискурса функционально выделяются два основных подвида: тональность «увеселительная», направленная на то, чтобы развеселить себя или получателя речи, и тональность «восхитительная», направленная на то, чтобы вызвать у получателей речи удивление и восхищение.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *познавательные способности, игровой дискурс, юмористический дискурс, юмор, тональность дискурса, интеллект, глупость, мудрость, хитрость.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры научно-технического перевода Кубанского государственного технологического университета.*

*Адрес: 350072, г. Краснодар, ул. Московская, 2.
E-mail: svork@mail.ru; svork@kubstu.ru.*

S. G. Vorkachev
Krasnodar, Russia

A BEAUTIFUL MIND: INTELLIGENCE IN HUMOROUS DISCOURSE

ABSTRACT. *Play functions of lexical units are studied on the material of aphoristic sentences and anecdotes. It is shown that two functional subspecies are singled out in the play tonality of discourse: a joyful one directed to amuse and cheer up speech recipient, and an admiring one aimed at bringing forth his delight and admiration.*

KEYWORDS: *cognitive abilities, playful discourse, humorous discourse, humor, tone of discourse, intelligence, stupidity, wisdom, cunning.*

ABOUT THE AUTHOR: *Vorkachev Sergey Grigor'evich, Doctor of Philology, Professor, Professor of Scientific-Technical Translation Department, Kuban State Technological University.*

«Игровой дискурс», как и сама «игра» (см.: [Витгенштейн 1994: 110–113]), — родовое понятие с достаточно расплывчатыми, неопределенными границами, включающее видовые объекты, объединяемые на основании «семейного сходства» — транзитивного, частичного подобия, когда один объект связывается с другим через свойства, присутствующие в той или иной мере в третьем объекте.

Естественно, наиболее значимой и объемной разновидностью игрового дискурса с прагмалингвистической точки зрения выступает дискурс юмористический (комический) как «текст, погруженный в ситуацию смехового общения» [Карасик 2004: 304–332]. Разновидностью игрового дискурса будет и развлекательный дискурс (см.: [Карасик 2014: 248–265]), и пародийный дискурс (см.: [Карасик 2009: 332–341]), и, вероятно, другие типы дискурса, характеризующиеся коммуникативной направленностью на языковую игру.

Игровой дискурс в «чистом виде» реализуется в таких литературных и речевых жанрах, первичных и вторичных, как анекдот, эпиграмма, частушка, эстрадная шутка, пародия, юмористический и сатирический рассказ, роман и пр. Помимо этого игровое начало может присутствовать в виде «коммуникативной тональности» [Карасик 2009: 304] практически в любом виде неигрового дискурса, за исключением, конечно, судебных приговоров, технических инструкций и прочих текстов, не допускающих разночтения.

Игровая тональность дискурса создается при помощи самых разнообразных языковых средств и риторических приемов, формальных и семантических, — иронии и самоиронии, насмешки и самонасмешки, сарказма, гротеска, парадокса, различных форм «языковой игры» (см. подробнее: [Воркачев 2004: 173–177]). Ее целевая установка реализуется в таких частных социокультурных функциях, как стремление развлечь и развлечься, привлечь к себе внимание, самовыразиться, снять напряжение, поднять свой дух и дух окружающих, поднять свой социальный статус, замаскировать

назидательность сентенции и пр. (см. подробнее: [Санников 1999: 26–30; Воркачев 2007: 220–221]). Здесь можно также отметить основную функцию иронии как одной из разновидностей игровой тональности дискурса: установление асимметричных отношений доминирования-подчинения между участниками коммуникации (см.: [Шилихина 2014: 15–16]). В то же самое время в качестве более общей, можно сказать, глобальной содержательной функции игровой тональности, может быть функция карнавализации, направленная на временное «обращение» культурных ценностей (см.: [Воркачев 2014: 239–240; 2014а: 174]).

После выхода книги М. М. Бахтина о Рабле в 1965 году (см.: [Бахтин 1965]) «карнавализацией» стало называться временное отступление от высоких и общепринятых идеалов. В ходе карнавала все основные ценностные противопоставления религиозной и бытовой культур обращаются — меняются местами: формируется «мир наизнанку», где верх становится низом, «первые становятся последними», королем карнавала становится шут, святые оскверняются, вместо слов благочестия звучит площадная брань (см.: [*Руднев]).

В игровой тональности дискурса функционально выделяются два основных подвида: тональность «увеселительная» (шутливая, юмористическая), направленная на то, чтобы развеселить себя или получателя речи, и тональность, которую à faute de mieux можно назвать «восхитительной», направленная на то, чтобы вызвать у получателей речи удивление и восхищение, что можно с той или иной степенью приближения сопоставить со «стремлением развлечь себя и собеседника» и «стремлением к самоутверждению» (см.: [Санников 1999: 27]). Различия между этими тональностями можно проиллюстрировать примером из циркового искусства: так клоунада отличается от жонглирования. И если анекдоты и шутливые афоризмы окрашены преимущественно увеселительной тональностью, то игровая тональность «серьезных» афоризмов проявляется в жонглировании смыслами, призванном вызвать восхищение и удивить своими интеллектуальными способностями.

Конечно, игровое начало присутствует практически в любом литературном или речевом жанре за исключением, как уже говорилось, технических и юридических документов. Однако обильнее всего, по наблюдениям, она представлена в таких контрастных и, можно сказать, полярных жанрах, как афористика и бытовой анекдот.

Следует сразу отметить, что границы между «анонимным»

афоризмом, создатель которого скрывается за обозначением NN или «неизвестный автор», и «несценарным» анекдотом, в котором отсутствуют диалог и «драматизированность» [Белосов 2003: 581], практически не существует.

«Игровые» аспекты вербализации базовых модусов познавательной способности человека — ума, глупости, мудрости и хитрости, где со стороны утилитарной, практической оценки ум противостоит глупости, а со стороны этической оценки мудрость противостоит хитрости, исследуются на материале афористического корпуса и корпуса русских бытовых анекдотов.

Анализ и толкование юмористических высказываний — в высшей степени неблагодарное занятие для того, кто этим занимается, поскольку, как заметил еще Вольтер, «разъясненная шутка престаёт быть смешной; любой комментатор остроты — просто глупец». В случае шуточных афоризмов к этому добавляется и трудность разведения игровых функций дискурсивных тональностей в силу неизбежного субъективизма, обусловленного как совпадением формальных средств их передачи в языке, так и синкретическим характером их присутствия в высказывании — они отнюдь не исключают друг друга. Предварительно, в тенденции можно принять, что «увеселительная» функция игровой тональности афоризма ориентирована скорее на его языковую форму в самом широком понимании, в то время как его «восхитительная» функция ориентирована преимущественно на его содержание — «игру смыслов».

«Увеселительная» тональность афористических высказываний создается, главным образом, за счет обыгрывания системно-языковых (синонимии, омонимии, полисемии, пресуппозиций, сочетаемости и др.) и лингвокультурных (прецедентности) связей присутствующих в них лексических единиц, а сами эти высказывания выглядят как каламбур — «самый демократичный вид языковой шутки» [Санников 1999: 513], в основе которого лежит совмещение в одном контексте обычно несовместимых либо маловероятных смыслов.

Нередко для создания «увеселительной» тональности афоризмов используются такие свойства языкового знака, как антонимия («Иногда даже с умным трудно *потерять* то, что *нашел* с дураком» — Гжещик; «Гораздо легче *стать* умным, чем *перестать* быть дураком» — Ключевский) и синонимия («*Умных* значительно больше, чем *мыслящих*» — Крылатов). Реже обыгрываются словообразование («Можно было подумать, что в его голове несколько

мозжечков» — Лец) и синтаксис («Сильный действует *рукой*, мудрый — *умом*, а хитрый — *кем-то еще*» — Гжегорчик).

Регулярно в этих целях используется прием деметафоризации метафор — «выпрямления» переносных значений, превращения их в прямые: «И у *светил науки* бывают затмения ума» — Севрус; «В *глупости* человек *сохраняется*, как шуба в нафталине» — Кроткий; «Он *проглотил* много *мудрости*, но все это словно *попало* ему *не в то горло*» — Лихтенберг; «Где *копи мудрости*? Обычно там, где она *погребена*» — Лец).

Почти столь же регулярно здесь используются лексические пресуппозиции предикатов и дискурсных слов, вокруг которых организуется семантика афористического высказывания: «"Вы что, *считаете* меня идиотом?" — "Нет, но я ведь *могу ошибаться*"» (Бернар); «Кто больше *знает* — мудрец или глупец? Конечно, — глупец: мудрец во всем *сомневается*, а глупец — нет» (NN); «Даже разумному человеку иногда *кажется*, что он умен» (Лауб); «Глупый *думал*, что мудрость придет к нему с годами» (Крайнов-Рытов); «А голые женщины *тоже* умны?» (Лец); «Женщины любят нас за наши недостатки. Если этих недостатков изрядное количество, они готовы все нам простить, *даже ум*» (Уайльд).

Регулярно используются ассоциативные связи лексем, наполняющих афористические высказывания, с прецедентными явлениями — прецедентными текстами, прецедентными высказываниями и прецедентными ситуациями (см.: [Гудков 1999: 26–29; Красных 2003: 72–173]): «*Голиаф* не был умен. Ему это было не нужно» — Лауб; «*Стену* можно *пробить* только *головой*. Все остальное — только орудия» (Кумор); «О том, кто умнее, *спорят* только *дураки*» (Севрус); «*Дуракам везет?* Не такие уж они дураки» (Ягодзиньский); «Мудрец — *один в поле воин*, дураки — народное ополчение» (Севрус); «Так сильно хочется выглядеть *умным*, что все чаще предпочитаю *молчать*» (Калинин).

Для придания же большей части афоризмов «увеселительной» тональности «субстратом» служат фразеологизмы различной степени связанности и идиоматизированности, начиная от виноградовских (см.: [Виноградов, 1947: 22–27]) «фразеологических сращений» — идиом — и заканчивая «фразеологическими сочетаниями» — речевыми штампами: «А дураков, *каких мало*, — оказывается-то много!» (NN); «*Ахиллесова пята* нередко укрыта в *голове*» (Кумор); «Беда может *научить* *уму-разуму*, но *мудрости* — никогда» (Гжегорчик); «Чтобы *попасть в глупое положение*, иногда достаточно сказать что-то умное» (Ло-

манный); «Только умный *чувствует себя* время от времени *полным дураком*» (Крайнов-Рытов); «Дурак замечает первым, как *много умных развелось*» (Малкин); «О нем нельзя было сказать, что он *живет чужим умом*. Он жил своей глупостью» (Кроткий).

Более того, эта тональность может создаваться объединением в одном высказывании нескольких фразеологизмов: «*Жить* иногда имеет смысл *чужим умом*, но *полагаться* можно только на *свой*» (Свифт); «Мудрость — это когда уже не *считаешь себя умнее всех*, а стараешься *быть не глупее других*» (Крутиер); «Что у женщины *на уме*, у мужчины даже *в голове не укладывается*» (Крутиер).

«Увеселительная» тональность афористики создается также буквализацией фразеологизмов, когда переносное значение метафоры истолковывается как прямое: «Презирал весь мир. О земле говорил: “*Круглая дура*”» (Кроткий); «Дурак никогда не *заходит в тупик*, потому что там полно умных» (NN); «Глупость никогда не *переходит границ*. Куда ступит, там и есть ее территория» (Лец); «Мудрость не всегда *приходит с годами*. Иногда годы *приходят* одни» (Уилсон); «В любви *теряют рассудок*, в браке замечают потерю» (Сафир); «Что может быть вместительнее *пустых голов?*» (Лец); «Мудрецы и зубные врачи *смотрят в корень*» (Кроткий).

И, наконец, в афористических высказываниях о познавательной способности «увеселительная» тональность может создаваться произвольно, даже вопреки коммуникативным намерениям говорящего, что называется, по-черномырдински (ср.: «Все те вопросы, которые были поставлены, мы их все соберем *в одно место*» – Так говорил Черномырдин 2011: 96): «Мы эту проблему решили в узком кругу *ограниченных людей*» (Лукашенко).

Как уже отмечалось, в общем афористическом корпусе количество единиц, отмеченных интеллектуальной игрой и «акробатикой смысла», где «мысль исполняет пируэт» (Ж. де Брюйн), превышает число единиц, отмеченных сугубо языковой игрой, почти в пять раз. Тем не менее, даже в них «восхитительная» функция игровой тональности на фоне других функций афоризма в достаточной мере вторична: она лишь сопровождает маскировочную, разоблачительную, терапевтическую и другие функции, связанные с потребностями речевого воздействия.

«Игровой» афористике познавательной способности человека, естественно, присущи и общие свойства афористических единиц: антитезисность и антонимичность («*Глупец* думает, что

он действительно *умен*, а *мудрец* знает, что он *глуп*» — Шекспир; «За человека большого *ума* слывет тот, кто был бы лишь *глупцом*, если бы не был министром» — Гельвеций), метафоризированность («*Мудрость* — это чужеземное и редкое растение, возделывание которого мы любим видеть, но только в чужом поле» — Дюбе; «*Умные* люди — это те же пахучие цветы: один приятен, а от целого букета болит голова» — Авербах) и парадоксальность («У меня хватило *ума* прожить жизнь *глупо*» — Раневская; «*Ум* — сравнительно самый приятный из всех *пороков*» — Эррио). Особую значимость, конечно, здесь имеет парадоксальность, иногда приближающаяся к, можно сказать, «катахрезности» и абсурду («разум/мудрость глупцов», «избыток ума»): «Глупец тот, кого губит *избыток ума*» — Грасиан; «За умное мы принимаем только то, с чем соглашаемся. Так что у *глупцов* есть своя *мудрость* и спорить с ней бессмысленно» — Калинин).

Если «игра» в афоризмах «увеселительной» дискурсивной тональности основана преимущественно на речевой многозначности входящих в них лексических единиц (см.: [Санников 1999: 490]), то «игра» в афоризмах тональности «восхитительной» основывается, главным образом, уже на силлогистике — выводном знании: неожиданных импликациях и инференциях, прагматических пресуппозициях, когнитивных метафорах, построенных на переносе периферийных признаков, «экзотических» реминисценциях, и пр.

Когнитивная (она же концептуальная) метафора, позволяющая увидеть невидимое, в случае интеллекта проявляется, прежде всего, в его персонификации — уподоблении человеческому существу: «Любовь не спрашивает мнения *разума*, но обычно заставляет его платить» (Кумор); «Не доверяйте в страсти голосу *разума*. *Разум* достаточно разумен, чтобы перекинуться на сторону сильнейшего — на сторону страсти» (Берне); «*Разум* — это в лучшем случае наша жена: мы действительно часто слышим, только редко задумываемся над тем, что он говорит» (Честерфилд); «Серьезность — это *глупость* с высшим образованием» (О'Рурк); «*Хитрость* в сравнении с *мудростью* — то же, что обезьяна в сравнении с человеком» (Пенн). В этих же целях интеллект также уподобляется инструменту или какому-то прибору («*Разум* — это зажигающее стекло, которое, воспламеняя, само остается холодным» — Декарт; «Воистину, тончайший юмор заключен в том, что бог дал человечеству *разум*, а как им пользоваться не пояснил» — Галямин; «Язвительный *ум*, как острый нож, нередко ранит того, кто им пользуется» — NN), либо реифицируется — уподобляется

природному объекту или артефакту («У ума, как у проселочной дороги, есть своя проторенная колея» — Бальзак; «Бывают люди с умом сияющим и люди с умом сверкающим: первые просветляют, последние же ослепляют» — Эбнер-Эшенбах; «Идиот подобен не тому автомобилю, у которого не хватает какой-либо важной части, а тому, у которого все гайки завинчены так крепко, что он двигаться не может» — Любичев).

Умозаключения относительно познавательной способности, иногда могут быть представлены в афористике в полном виде, эксплицитно: «Умные иногда смеются над глупостями. Глупые часто находят смешным умное. Юмор, похоже, не имеет отношения к разуму» (Калинин); «Глупость чаще бывает полезна, чем вредна. Потому то самые хитрые выставляют себя дураками» (Граф). Чаще же одна из посылок опускается: «Разумный человек приспособляется к миру, неразумный приспособляет мир к себе. Поэтому весь прогресс зависит только от людей неразумных» (Б. Шоу) — опущена посылка «Прогресс состоит в изменении мира»; «Более умный всегда уступает — какая великая мысль! Она объясняет, почему в мире господствует глупость» (Эшенбах) — опущена посылка «Глупый всегда побеждает»; «Те, кто достаточно умен, чтобы не лезть в политику, наказываются тем, что ими правят люди глупее их самих» (Платон) — опущена посылка «В политику лезут глупые»; «Анекдоты о сумасшедших, рассказанные ими самими, внушают беспокойство — слишком уж они разумны (Лец) — опущена посылка «Сумасшедшие не могут высказывать разумные вещи»; «За человека большого ума слывет тот, кто был бы лишь глупцом, если бы не был министром» (Гельвеций) — опущена посылка «Должность придает человеку ума»; «Мудрости должно быть вдоволь, ведь ею мало кто пользуется» (Лец) — опущена посылка «Всегда в избытке то, что никому не нужно».

Во многих эллиптированных умозаключениях в качестве опущенной большей посылки — суждения общего характера — выступают прагматические пресуппозиции, представленные (якобы) общеизвестными истинами (*idées reçues*), «шаблонами мысли»: «Умная женщина сама понимает, что дура» (Малкин); «Женщина должна выглядеть настолько умной, чтобы ее глупость оказалась приятным сюрпризом» (Краус) — пресуппозиция: «Женщины — глупы»; «У меня хватило ума прожить жизнь глупо» (Раневская); «Как я завидую безмозглым!» (Раневская) — пресуппозиция: «Дураки счастливы»; «Чем больше ума,

тем меньше средств к существованию» (Унаина) — пресуппозиция: «Умные люди бедны»; «Самая *глупая* женщина может сладить с *умным* мужчиной, но с *дураком* сладит лишь самая *умная*» (Киплинг) — пресуппозиция: «Дураки непредсказуемы»; «*Умный* человек не только не скажет ничего *глупого*, но даже никогда и не услышит ничего *глупого*» (Берне) — пресуппозиция: «Умный человек тактичен»; «*Умный* человек способен не только выполнять *глупые* приказы, но и доказывать, что они *умные*, и с этого жить» (Лауб) — пресуппозиция: «Умный человек использует глупость в своих интересах»; «Красивые женщины в старости бывают очень *глупы* только потому, что в молодости были очень красивы» (Ключевский); «Он *глуп* оттого, что так красив, и не был бы так красив, если бы был менее *глуп*» (Ключевский) — пресуппозиция: «Красота несовместима с умом»; «Трудно считать *дураком* человека, который восхищается нами» (Эбнер-Эшенбах) — пресуппозиция: «Нами восхищаются только умные люди»; «Чтобы прослыть *дураком*, не обязательно кем-то руководить» (Малкин) — пресуппозиция: «Все начальники — дураки»; «*Мудрость* — это не морщины, а извилины» (Жемчужников) — пресуппозиция: «Мудрость не зависит от возраста»; «Не ходи за советом к *мудрому*. Беги за советом к *хитрому*» (Вяземка) — пресуппозиция: «В жизни хитрость лучше мудрости».

В основе некоторых афоризмов интеллектуально-игровой тональности лежат достаточно отдаленные и тонкие реминисценции с когда-то кем-то уже изреченными мыслями: «Бывает, что усердие превозмогает и *рассудок*» (Козьма Прутков) — *Labor omnia vincit improbus* — «Все побеждает упорный труд» Вергилия; «Недостаточно быть *умным*. Необходимо быть достаточно *умным*, чтобы не позволить себе стать *умным* сверх меры» (Моруа); «В избытке даже *разум* не всегда желателен, и люди почти всегда лучше приспособляются к середине, чем к крайностям» (Монтескье) — *Aurea mediocritas* — «золотая середина» — добродетель как среднее между двумя крайностями Аристотеля; «Действительно возвышенные *умы* равнодушны к счастью, особенно к счастью других людей» (Рассел) — *Nous avons tous assez de forces pour supporter les maux d'autrui* — «У нас у всех хватает сил, чтобы пережить несчастья ближнего» Ларошфуко; «*Дураков* плодят *умные* профессии» (Круглов); «Нельзя стать узким специалистом, не став, в строгом смысле, *болваном*» (Б. Шоу) — «Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя» Козьмы Прутова; «Другие не *дураки*, просто они не ты» (Таранов); «Дурак —

это просто инакомыслящий» (А. и Б. Стругацкие) *Imbéciles: ceux qui ne pensent pas comme vous* — «Дураки: те, которые думают не так, как Вы» из «Словаря прописных истин» (*Dictionnaire des idées reçues*) Гюстава Флобера.

Карнавализация как «игровое» обращение ценностных смыслов (см.: [Воркачев 2009: 34–35]) в афоризмах о познавательной способности осуществляется, главным образом, через «заземление», принижение статуса положительного члена ценностных оппозиций (ума и мудрости) и возвышение их отрицательного члена (глупости и хитрости), как это происходит, например, со справедливостью и несправедливостью (см.: [Воркачев 2009: 34–35; 2009а: 6]).

В этих афоризмах отрицается могущество и всеилие разума («При помощи *разума* редко удается сделать что-нибудь *разумное*. *Разум* — это пружина, которая портится так же легко, как и всякая другая, и даже легче» — Ламетри; «Человек *рассудительный* не может верить в *рассудок*» — Лауб; «Недостаточно быть *умным*. Необходимо быть достаточно *умным*, чтобы не позволить себе стать *умным* сверх меры» — Моруа), утверждается его вторичность на фоне чувства («*Разум* дан человеку, чтобы он понял: жить одним *разумом* нельзя. Люди живут чувствами, а для чувств безразлично, кто прав» — Ремарк), отмечается, что интеллект отнюдь не служит помехой глупости («*Ум* служит нам порою лишь для того, чтобы смело делать *глупости*» — Ларошфуко; «*Разум* есть способность живого существа совершать *бессмысленные и нерациональные* поступки» — А. Стругацкий; «Количество *глупостей*, совершаемых по велению *рассудка*, гораздо больше, чем количество *глупостей*, совершаемых по *глупости*» — Чаплин; «Человек извлек пользу из своего *интеллекта*: он изобрел *глупость*» — Гурмон). С грустью констатируется, что «Отсутствие *здорового смысла* мешает мыслить, присутствие — жить» (Крутиер) и «Люди всегда против *разума*, когда *разум* против них» (Гельвеций).

В то же самое время глупость называется Божьим даром («*Глупость* — дар Божий, но не следует злоупотреблять этим даром» — Бисмарк), ей приписывается статус основы бытия («Все — смех, все — прах, все — ничтожество: источник всего сущего — *глупость*» — Гликон), правовой гарантии («Право на *глупость* — одна из гарантий свободного развития личности» — Марк Твен) и палочки-выручалочки в трудных жизненных ситуациях («Бывают случаи в жизни, выпутаться из которых может помочь только *глу-*

пость» — Ларошфуко). Отмечается ее превосходство над умом («В этой компании на каждого *дурака* приходилось десять *умных*, так что силы были примерно равны» — Казаков), незаменимость в борьбе с лишениями («*Глупость* и хорошее пищеварение — незаменимые качества для борьбы с лишениями» — Карлейль), ее способность обеспечивать человеку счастливую жизнь («Не может быть двух более счастливых свойств, чем быть немножко *глупым* и не слишком честным» — Ф. Бэкон) и ее богоугодность («По настоящему угодны богу только *дураки*, поэтому они везде процветают» — Эразм Роттердамский).

В свою очередь мудрость не так уж далека от глупости («*Мудрость* — умение выбрать наименьшую *глупость*» — Войнар; «Человеку свойственно рассуждать *мудро*, а поступать *глупо*» — Франс; «Тот, кто не совершает каких-либо *глупостей*, не настолько *мудр*, как он думает» — Ларошфуко) и в жизни «Лучше *глупцом* быть вместе со всеми, чем *мудрецом* в одиночку» (Грасиан). Она не способна смягчить страдания («Знай, читатель, что *мудрость* уменьшает жалобы, а не страдания!» — Козьма Прутков) и превращает людей в пьяниц и самоубийц («Есть только два рода *мудрецов*; одни кончают с собой, другие пьют, чтобы заглушить голос мысли» — Марк Твен).

А для выживания хитрость полезнее и ума, и мудрости («В деле *хитрости* *глупый* человек проводит более *умных*» — Л. Толстой; «Не ходи за советом к *мудрому*. Беги за советом к *хитрому*» — Вяземка).

Как представляется, существенное увеличение доли развлекательно-игровых единиц в корпусе русской игровой афористики объясняется, с одной стороны, литературной модой, когда после 18-го века открытое морализирование сентенций и максимум стало вызывать раздражение и насмешку, а авторы назидательных афоризмов стали маскировать назидательность с помощью языковой игры (см.: [Санников 1999: 28–29]), с другой же стороны, расширенное распространение получил каламбур как в силу своей доступности и «демократизма», так и в силу того, что в настоящее время любой желающий продемонстрировать свое остроумие легко может это сделать, выставив плоды своей языковой креативности в Интернете без всякой цензуры и самоцензуры.

Короткий смешной рассказ — анекдот как речевой жанр юмористического дискурса, похоже, существует чуть ли не со времен Хаммурапи — его образчик записан уже на шумерской глиняной табличке (см.: [*Анекдот]). В русской же лингвокульту-

ре расцвет и наибольшая популярность этого вида изначально устного народного творчества приходится на «время застоя» — годы правления Л. И. Брежнева (см.: [Дементьев 2011: 5]), тогда же, очевидно, окончательно сформировались его социально-культурные и речевые параметры.

К настоящему времени языковые свойства советско-российского народного анекдота изучены достаточно подробно (см.: [Белоусов 2003; Бородин 2001; Воркачев 2013; Карасик 1997; Курганов 1997; Чиркова 1997; Шмелева-Шмелев 2002]). Типология народного анекдота осуществляется, главным образом, на основании двух базовых принципов: содержательного, когда анекдоты классифицируются по тематике (анекдоты о персонажах — Вовочке, Чапаеве, Штирлице, поручике Ржевском, сказочных героях, политических деятелях; о неверных супругах, представителях национальностей, сумасшедших, пьяницах, дистрофиках, наркоманах, гомосексуалистах и пр.; бытовые, политические, армейские, медицинские и пр.) и по «среде бытования» — характеристикам тех, кто их рассказывает и слушает (студенческие, театральные, музыкальные, детские и пр.), и формального, когда они классифицируются по преобладающим текстотипам — своей композиционно-речевой форме (нарративы, описания, рассуждения, загадки и афоризмы) (см.: [Карасик 2004: 316–319]).

Главенствующая коммуникативная цель народного анекдота — создание комической ситуации, вызывание смеха (см.: [Карасик 2004: 311]), поэтому неудивительно, что в произведениях этого речевого жанра практически полностью доминирует «увеселительная» дискурсная тональность при практически полном отсутствии тональности «восхитительной», интеллектуальной, тем более, что отличительной чертой анекдота оказывается заимствованность юмора, которую подметил Михаил Светлов: «Многие считают, что юмор — это анекдоты. А ведь что такое анекдот? Анекдот — это одолженный юмор. Сам не можешь, вот и одалживаешь». К тому же этот юмор, как правило, в известной степени груб — достаточно сравнить совпадающие по форме анекдоты-афоризмы и афоризмы классические, авторские (см.: [Карасик 2004: 318–319]). Анекдот в настоящее время — явление массовой культуры: на телевидении устраиваются конкурсы анекдотов, издаются сборники анекдотов, анекдотами заполнен Интернет. А массовая культура *par excellence* основана на пошлости в этимологическом смысле этого слова как эксплуатации, повторении чего-то уже кем-то

созданного (ср.: «Пошлый — др. русск. *пошьль* — “старинный, исконный, прежний, обычный”. От *по-* и *ходить, шел*» — [Фасмер 2003, т. 3: 349]). Тем самым анекдот как часть этой культуры по большей части паразитирует на прецедентности, присущей текстам, именам, ситуациям, которые в этом анекдоте обыгрываются. Так, например, одним из признаков доминантности национального прецедентного имени (см.: [Воркачев 2014б: 61–62]) выступает тенденция к включению его в юмористический дискурс — оно, как правило, фигурирует в бытовых анекдотах, образуя целые циклы (анекдоты о Чапаеве, о Штирлице и пр.).

Народные анекдоты — квинтэссенция карнавальской культуры, существенное место в них занимает тематика материально-телесного «низа», вербализуемая через обценную лексику. В то же самое время в отличие от афоризма, где карнавализация осуществляется преимущественно путем обращения аксиологического знака абстрактных понятий, в анекдотах уже «обращается» аксиологический знак прототипных персонажей, когда эти персонажи в результате травестии превращаются в свои противоположности: герои выставляются морально ущербными типами, интеллектуалы — придурками, мудрецы — простаками, а, в свою очередь, дураки оказываются мудрецами и хитрецы — героями (см.: [Белоусов 2003: 595]).

Обыденному карнавальному сознанию нет особого дела до мудрости и хитрости, а тем более до отличия последних от ума, что, в общем-то, вполне ожидаемо, поскольку анекдоты вращаются преимущественно вокруг оси глупость-ум, а в фокусе их внимания пребывает традиционный герой — дурак, простак, шут (см.: [Белоусов 2003: 590]). Более того, ум здесь носит вспомогательный характер некоего контрастного фона, на котором ярче выделяется глупость героев анекдота — «умных голов, доставшихся дураку»: людей, считающих себя умными, и умников — желающих показать себя такими, когда они попадают в «дурацкие» ситуации: «Подходит иностранец к двум ментам на Крещатике и спрашивает по-английски — как пройти к ЦУМу — молчание. Спрашивает по-французски — как пройти к ЦУМу — молчание, то же самое спрашивает по-испански, по-итальянски, хинди и т.д. — молчание. Разворачивается, уходит. Один мент другому — Ты бачь, яка *розумна* людина, скільки мов знає, а що те йому дало?»; «На базаре бабка продает яблоки, в них табличка — “Чернобыльские”. Какой-то *умный* человек, проходя мимо, замечает: — Слышь, бабка, дык, наверное, твои яблоки

никто и не покупает. Зачем ты эту табличку поставила? — Как это не берут? Еще и как берут! Кто для жены, кто для тещи...»; «Когда-то я был красивым и *умным*, — вспоминает Жириновский, — но в роддоме меня подменили».

Преобладающим композиционным видом анекдота о познавательной способности является нарратив — рассказ о каких-либо забавных событиях в монологической («Юстас, Вы *дурак*. Алекс»). Над этой шифровкой три дня смеялся весь абвер. И только Штирлиц понял, что ему присвоено звание Героя Советского Союза») либо диалогической форме («Моя дочь последнее время стала есть соленые огурцы. Наверно, в организме чего-то не хватает? — *Дура!* Мозгов у нее не хватает. Раньше думать надо было!»), который характеризуется «сценарностью» (Карасик 2004: 317) или «драматизированностью» [Белоусов 2003: 581] — они представляют собой некую сценку. Отличительной чертой анекдота-нарратива выступает неожиданность концовки, определяющая его комический эффект и «мощность» заключенного в нем заряда остроумия (см.: [Белоусов 2003: 581]).

Доля всех прочих композиционных форм в корпусе анекдотов о познавательной способности весьма незначительна. Здесь изредка появляется рассуждение, в котором раскрываются причинно-следственные и логические связи между явлениями («Самым большим доказательством существования *разумной* жизни во Вселенной является тот факт, что до сих пор никто не попытался с нами связаться»), еще реже описание — шутивная классификация («*Тупой* мужчина + *тупая* женщина = мать-героиня. *Тупой* мужчина + *умная* женщина = нормальная семья. *Умный* мужчина + *тупая* женщина = мать-одиночка. *Умный* мужчина + *умная* женщина = легкий флирт») и загадка («Как *умный* еврей разговаривает с *глупым*? — Свысока и из Нью-Йорка»).

На тематику и «источники» [Карасик 2004: 312] анекдотов о познавательной способности не накладывается никаких ограничений: глупость высмеивается и в карикатурных образах известных персонажей (анекдоты о Чапаеве, Штирлице, поручике Ржевском, политических деятелях, Иване-дураке), в представителях национальностей (чукчи, евреи, украинцы, грузины, армяне), профессий (медики, правоохранители, военные, музыканты, учителя, преподаватели), возрастов (дети, студенты). Она же фигурирует в анекдотах о сумасшедших, пьяницах, наркоманах, гомосексуалистах и даже животных.

Чаще всего, однако, глупость высмеивается в анекдотах бы-

товых, где фигурируют мужа, жены, любовники, тещи, отцы-матери и сыновья-дочери: «Жена говорит мужу: — Вот напишу я над своей кроватью что ты *дурак*, пусть весь город узнает!»; «Странно, что у самых больших *дураков* самые красивые жены! — сказал муж. — Лысiec! — улыбнулась ему жена»; «Неожиданно приехав домой, муж застал жену в постели со своим лучшим другом. — Слушайте, — воскликнул он, — что вы делаете? — Вот видишь, — сказала жена своему любовнику, — не говорила ли я тебе, что он *дурак!*»; «Папа, а что такое “кранты”? — Почему ты задаешь мне этот вопрос? — Мама звонила кому-то по телефону и сказала: Я своего *дурака* накормила грибами и теперь ему “кранты”».

Следом по встречаемости идут анекдоты о национальностях: «Русский и турок идут рядом и разговаривают. Турок, чтобы поддеть русского, говорит: — У вас в России что ни Иван, то *дурак*. — Правильно. У нас таких турками зовут»; «Пришел чукча к чукче и говорит: — Хочу, однако, я в Москва съездить, дедушку Ленина посмотреть! А ему и отвечают: — *Дурак* ты, однако, дедушка Ленина в соседней яранге живет!»; «В украинской хате просыпается утром мужик и видит перед собой жену, наставившую на него обреза: — Петро, ты иностранный шпион! — Тю! *Сдурела баба!* — Ты во сне по-русски разговаривал!»; «Едет грузин с женой по трассе на машине. Жена захотела в туалет, побежала в кусты, вдруг выбегает обратно, не успела одеться и кричит, а за ней — армянин! Грузин: — Эй, ты че, *сдурел?!* Армянин: — А че — это твой баба? Грузин: — Мой! Армянин: — Эээ, а я думал дыкий»; «Гражданская война. Еврейский погром. Мать семейства падает в ноги перед погромщиками и умоляет: — Возьмите все, что у нас есть, побейте всю посуду, подожгите дом, только не трогайте мою дочь Сару! Она еще совсем ребенок! Дочь: — Не слушайте старую *дуру!* Погром так погром!»; «Ты знаешь, Абрам, моя Сара такая добрая, хозяйственная, *умница*. — Неужели, Изя, у тебя так плохи дела, что ты продаешь мне жену?»; «Отец-цыган просит сына-цыгана: — Сходи за сигаретами. — Давай деньги. — За деньги и *дурак* сможет. Сын уходит, возвращается, кидает отцу пачку сигарет. Тот открывает, она пустая: — Так она пустая! — Так полную и *дурак* выкурит».

Из анекдотических персонажей чаще всего встречаются Чапаев, Вовочка и Иван-дурак: «Петька забегает к Василию Ивановичу и кричит: — Я колобка зарубил. — *Дурак* ты, Петька, это Котовский траншею копал»; «Сидят Петька и Василий Иванович на дереве. Вдруг к дереву подходит слон и начинает его

трясти. — Василий Иванович, может здесь у него гнездо? — *Дурак* ты, Петька, они в норах живут!»; «Идет урок в школе. Учитель: — Кто считает себя *придурком*, встаньте. Через несколько минут встает Вовочка. — Ты что, считаешь себя *придурком*? — Нет, но нехорошо, когда вы один стоите»; «Пришел Иван-царевич в французский ресторан, а там: лягушки жареные, лягушки вареные, лягушки под соусом: — Вот они с ними как... А я то, *дурак*, женился!»; «Сел Иван-*Дурак* на Коня-*Идиота*...».

Языковые приемы создания комического эффекта в анекдотах об уме-глупости универсальны и используются практически в любой разновидности юмористического дискурса. Это преимущественно средства создания каламбурности, прежде всего, полисемия и омонимия, как лексическая, так и грамматическая: «Петька, ты Анку *любишь*? — Да, вчера ночью *любил*. — *Дурак*, я про настоящую любовь. — А-а, ну это когда белых разобьем»; «Ой, мама, я, кажется, беременна. — От *дуреха*! Где же была твоя *голова*?! — Не помню. Кажется, под рулем»; «Приходит поп под утро домой, жена его встречает и видит, что у него под глазом синяк. Она его и спрашивает: — Что это у тебя? Каким же это *образом*? — Не *образом*, *дура*, а канделябром»; «Останавливает ГИБДД-ик превысившего скорость водителя. А тот, не будь *дураком*, сразу положил в книжку с документами энную сумму денег. Ну и ГИБДД-ик говорит: — Нарушаем, товарищ... *Не положено!* — Как *не положено*, а на второй странице?!»; «Сидят Василий Иванович с Петькой на рельсах, курят. — Василий Иванович, вот ты такой *умный*, так объясни: рельсы гладкие? — Гладкие! — Колеса круглые? — Круглые! — Почему круглые колеса по гладким рельсам-то стучат? — *Дурак* ты, Петька! Формулу площади круга знаешь? — Пи эр квадрат? — Вот этим *квадратом* и стучат!»; «*Умную* девушку знакомят с новым русским. У того на шее толстая золотая цепь. Она, задумчиво: — Златая цепь на *дубе* том... Он, ухмыляясь: — Да знаем мы, знаем, и не только Лермонтова»; «1984-ый год. Умер тов. Черненко. Страна в трауре. Гудят заводы. Везде красные флаги с черными ленточками. В Кремле раздается телефонный звонок. Один из членов ЦК КПСС снимает трубку и слышит в трубке старческий голос: — Але. Вам Генсек не нужен? — Вы что, *дурак* или *больной*? — Да — радостно сообщает голос — и *дурак*, и старый, и *больной!*».

Комический эффект здесь может создаваться обыгрыванием фразеологизмов либо прецедентных высказываний: «Помнишь, ты на прошлой неделе рассказывал, что нашел кошелек с

деньгами. — Помню. Ну и что? — Так я вчера тоже кошелек нашел. — Ну и что? — Так я же тебе говорил, что *везет* не только *дуракам*»; «Ленин показал, как можно управлять. Сталин показал, как нужно управлять. Хрущев показал, что *всякий дурак* может управлять. Брежнев показал, что не *всякий дурак* может управлять»; «Поручик! Почему ваш полковник, это *благоразумный* человек, женился на какой-то карлице? — Ничего странного, мадам. *Из всех зол он выбрал меньшее*»; «Родители постоянно *выбивали* из меня *дурь*, но я всегда знал, где достать еще»; «Что вы сеете? — *Разумное, доброе, вечное*. — Коноплю, что ли?».

Этот эффект может вызываться фактом незнания персонажами анекдота точного значения слов: «Сидят Чапаев с Петькой на берегу, каждый о своем думает. — Слушай, Петька, а давай в Америку махнем? — Да ну, Василий Иванович, что в этой Америке, никакого *кайфа*. — *Дурак* ты, Петька! Мы же *кайф* с собой возьмем!».

Несколько в ином плане лежит механизм создания комического эффекта на основе несовпадения пресуппозиций протагонистов анекдотической ситуации либо участников общения: «Вовочка, увидев у школы недавно установленную вывеску: «СБАВЬ СКОРОСТЬ, ВПЕРЕДИ ШКОЛА!» — говорит сам себе: — *Дураки*, что ли? Можно подумать, туда кто-то бегом бежит!»; «Во время экзамена преподаватель спрашивает студента: — Знаете ли вы, что такое экзамен? — Это беседа двух *умных* людей о предмете. — А если один из них *идиот*? — Значит второй не получит стипендию»; «Получил студент двойку на экзамене. На следующий день встречается в метро преподавателя: — Здравствуйте, Александр Иванович. — А я с *дураками* не здороваюсь... — А я здороваюсь!»; «Один гей рассказывает другому: — Идем мы как-то с Альбертиком, а нам навстречу — толпа хулиганов! — Ну как, *отбились*? — *Дурачок!* Разве от нас с Альбертиком так легко *отобьешься!!!*»; «Обвиняемый, почему вы при всех сказали, что Иванов *дурак*? — Мне и в голову не приходило, что он это скрывает»; «Судья говорит: — Согласно вашей жалобе, обвиняемый сказал, что вы *дурак*. Это правда? — Чистая правда. — Тогда на что вы жалуетесь?».

В анекдотах «армейского цикла» (и не только в них) обыгрывается произвольный, «черномырдинский» комизм, создаваемый тупостью участников общения, принадлежащих, как правило, к начальствующему составу: «Я смотрю, товарищ солдат, вы слишком *умный!* — Кто, я? — Ну *не я же!*»; «Солдат под-

ходит к офицеру: — Дайте мне увольнительную. — А зачем? — Куплю себе “дипломат”. — Зачем дураку дипломат? Ты меня хоть раз с ним видел?»; «В армии прапорщик построил весь свой взвод и говорит: — Товарищи солдаты, вот заниматься любовью с девушками — это плохо, от них можно подцепить всякую дрянь, ну например — сифилис, а от него либо умирают, либо становятся дураками. Вот мы с братом болели, ну он умер, а мне повезло»; «Вы продолжаете утверждать, что обвиняемый назвал вас дураком? — Да, гражданин судья. Правда, он это сказал не прямо, а иносказательно. Он сказал: — Что касается интеллекта, то мы с вами находимся на одном уровне».

Комический эффект, основанный на нарушении правил логического вывода, в анекдотах об уме-глупости столь же редок, как и композиционная форма анекдота-рассуждения: «Учитель спрашивает маленького Вовочку: — Твой пиджак из чего сделан? — Из сукна. — Верно; а сукно из чего выделяется? — Из шерсти! — Молодец! А шерсть кто нам дает? — Овцы. — Умница! Значит, какое животное дало тебе пиджак? — Папа».

Поскольку подавляющее большинство анекдотов о познавательной способности представляют собой нарративы — короткие сценки с неожиданной концовкой, — комический эффект («пуант») в них создается, главным образом, за счет неожиданного, нелепого, странного развития ситуации и реакции на него ее участников, поведенческой либо вербальной: «Маленький американец заявился к врачу: — Послушайте, док, мне кажется, я заболел корью. Однако могу никому об этом не говорить. — Будьте *благоразумны*, — продолжал он, увидев изумление на лице врача. — Дайте мне 10 долларов, я пойду в школу и распространю болезнь на остальных учеников»; «Ты у меня такой *умный*, такой талантливый, такой грамотный, такой гениальный... — Да нет... Я нормальный. Это просто ты *дура*»; «Приходит мужик домой, а его подруга говорит: — Все, я от тебя ухожу. — Почему? — спрашивает мужик. — Потому что я узнала, что ты педофил. — Хм, а не слишком ли *умные* слова для десятилетней девочки?»; «Российский ВПК сворачивает свои программы по созданию оружия с элементами искусственного интеллекта — опытный образец “*умной*” бомбы так и не удалось *ВЫПИХНУТЬ* из самолета».

Контрастным фоном для человеческой глупости зачастую выступает интеллект животных: «Старый кавалерист рассказывает: — Все эти байки об особом *уме* лошадей во многом надуманны. Помню, меня крепко ранило. Я упал и потерял сознание.

Мой конь без меня поскакал в расположение эскадрона и привел с собой врача. — Так это подтверждает, что кони *умны*. — Как бы не так! Вы знаете, кого он привел? Ветеринара! Чего от коня было ждать?»; «Заходит мужик к приятелю, а тот сидит, с собакой в шахматы дуется. Мужик с удивлением восклицает: — Ну и *умная* же у тебя собака! А сосед ему отвечает с недовольством: — Да какая же она *умная*, счет ведь 3:2 в мою пользу».

В качестве подобного фона может выступать и женский ум: «Доктор, в последнее время я очень озабочен своими умственными способностями. — А в чем дело? Каковы симптомы? — Очень тревожные: все, что говорит моя жена, кажется мне *разумным*»; «Если уж жениться, то на красивой и *умной*! — Но это же двоеженство!».

В корпусе анекдотов о глупости соотношение производных от основы «дур-» к производным от основы «глуп-» выглядит как 190 : 10, что, в общем-то, не вызывает удивления, поскольку «дурь» и «дурак» в полном соответствии с речевым жанром анекдота имеют явную разговорную окраску, а «дурак» еще и «бранное слово» [СРЯ, т. 1: 453; Ефремова 2001, т. 1: 432] — инвектива, хотя и относительно мягкая. К тому же «дурак» выступает как некий интенсив «глупого»: «дурак — *совсем* глупый человек» (см.: [Евгеньева 2001: 103, 131]). «Глупый» в текстах анекдотов употребляется, скорее, как своего рода ласкательное слово: «Всех женщин можно поделить на две категории: 1) Ужас какая дура! 2) Прелесть какая *глупенькая*!»; «Вваливается пьяный лейтенант домой. Жена тут же поднимает скандал. — Тихо, *глупая*, тащи шило — дырочку в погонах колоть. Обрадовалась жена, смягчилась. Взяла шило, дырочку проколола, звездочку прицепила. — А теперь — рви остальные!».

Интеллектуальная ущербность, конечно, немалый порок, ее высмеивание автоматически возвышает соответствующую добродетель — обладание умом. В анекдотах высмеивается как врожденная тупость, так и временное затмение интеллекта в измененных состояниях сознания — при алкогольном или наркотическом опьянении: «Ну не кричи, — успокаивает пьяный муж жену, — Я не такой *дурак*: я же не свои деньги пропил... — А чьи же?! — Кума. Те, что он нам на дрова одолжил!»; «Муж, уходя утром из дома, предупреждает жену: — Сегодня приду поздно. — Наверно, опять в дупель пьяный придешь! В три часа ночи в квартиру вваливается пьяный муж и гневно кричит: — Ну что, *дура*, накаркала!?»; «Идет наркоман, тащит за собой нитку. Ему

говорят: — Эй, ты что, *дурак*, нитку-то за собой тащишь?!? — А что же, мне ее впереди себя толкать, что ли?!?».

«Лингвокультурным типажем» придурка, тупым, наивным и невежественным, в анекдотах о глупости выступает чукча, появившийся там, очевидно после фильма «Начальник Чукотки»: «Два чукчи ловят рыбу на лодке — один на носу, а другой на корме. Тот, что на носу, слышит громкий всплеск позади, оборачивается — друга нет. Он туда-сюда — нет второго нигде. Вдруг через 5 минут — ух — выныривает он из-под воды. Тот, что в лодке спрашивает: — Ты где был?! Я за тебя так испугался!! — Че ж ты пугаешься-то, *дурак*? Червяка я менял!».

Достаточно комичной выглядит ситуация, когда дураки называют друг друга дураками: «Идут по улице два *дурака*. Видят — над ними вертолет завис. Один другому говорит: — Сломался. — *Дурак* ты, сломался. Если бы сломался, он бы давно на нас упал. Сразу же ясно — бензин кончился!»; «Два рыбака много дней подряд выплывают на лодке, но никак не могут найти рыбное место. И вот однажды им повезло. Когда они вернулись на берег и сдали лодку, один из них спрашивает другого: — Ты запомнил то место, где мы сегодня ловили? — За кого ты меня принимаешь?! Я нарисовал крестик на дне лодки. — *Дурак!!!* Нам завтра могут выдать другую лодку!!!».

Своего рода карнавализация ума в циклах анекдотов о Чапаеве и Штирлице осуществляется через выставление интеллектуально ущербными личностями культурных героев — легендарного красного командира и советского разведчика: «Василий Иванович, кто, по-твоему, *дурак*? — Это человек, который выражается так, что другой его понять не может. Понял? — Нет»; «Василий Иванович, ох, и дуб же ты! — Да, Петька, крепок я!»; «В дверь постучали. Штирлиц открыл и увидел на пороге маленькую собачонку. — Что тебе, *дуреха*? — с суровой нежностью спросил Штирлиц. — Сам *дурак*. Я из центра, — ответила собачонка».

В анекдотах о сумасшедших («психах») часто подчеркивается умственное превосходство душевнобольных над обычными здоровыми дураками: «Едет мужик на машине мимо дурдома, и тут у машины колесо отваливается. Два часа мужик пытается приладить его на место, а не получается. Все эти два часа за ним сквозь дыру в заборе наблюдает пациент. А потом говорит: — Да ты возьми, открути от каждого колеса по гайке и привинти четвертое, так потихоньку до дома и доедешь. Мужик, обалдевши: — А как вы догадались, вы же в таком заведении».

Пациент: — Может, я псих, но не *идиом!*».

Иванушка-дурачок в детстве — герой анекдотов Вовочка, как правило, интеллектуально торжествует над туповатыми взрослыми: «Учительница: — Дети! Слушайте условия задачи, решать будем устно: летят четыре гуся — три белых и один серый. Сколько мне лет? Все молчат. Вовочка поднимает руку. — Ой, Вовочка, опять ты какую-нибудь *глупость* скажешь! — Нет, Марья Иванна, я решил. — Ну, говори! — Вам двадцать шесть лет. — Правильно! А как ты решил? — Мама меня *полудурком* называет, а мне тринадцать лет...»; «Вовочка сидит на бордюре — курит, пивко потягивает. Мимо бабулька проходит, смотрит на него и говорит: — Ах ты, безобразник! Почему не в школе?! А он ей: — Да ты чего, *дура* старая, кто ж в пять лет в школу ходит?!».

Преобладающей синтаксической функцией лексем «дурак» и «дура» в диалогических репликах анекдотов о познавательной способности человека, где они появляются в форме эллиптированных предложений, приложений или обращений, выступает функция предикатива, передающего суждение о каких-либо свойствах субъекта, в данном случае, его глупости. Однако здесь это свойство не носит характер постоянного атрибута, а является, скорее, результатом оценки разовых, одномоментных поступков этого субъекта — «Если женщина в вашем присутствии говорит: “Какая же я *дура*”, это вовсе не значит, что вы имеете право согласиться, что она действительно *глупа*. Когда она восклицает: “Какая я *дура*”, она просто хочет сказать, что ее природный ум на этот раз изменил ей» (Данинос). На одномоментный характер оценочного суждения указывает, в частности, нередкое присутствие сравнительно союза «как»: «В каюту на пароходе влетает запыхавшаяся и растрепанная девушка. — Что случилось, дорогая? — спрашивает ее соседка. — Капитан сказал, что надвигается шторм, и я, *как дура*, позволила привязать себя к мачте!»; «Приходит жена домой и говорит мужу, читающему газету в кресле: — Дорогой! Что ты мне подарить на 8-е марта? — Я тебя изнасилую. — А если я тебе не дам-ся? — Ну и ходи, *как дура*, без подарка!».

Через употребление этих лексем осуждаются действия или бездействие участников диалога: «Заходите, больная, раздевайтесь, ложитесь. — Следующий! — Заходи, мужик. Здорово, правда? Ну, ладно, выходи, давай, поглядел и хватит. В медицинский надо было идти, *дурак*»; «Прибегает маленький мальчик к папе. — Папа! Папа! Меня бабушка укусила! Папа, не отрываясь от газеты: — Ну, и кто тебя, *дурака*, просил в клетку руку совать?».

Осуждаются несообразительность и отсутствие должной логики в рассуждениях: «Идет красная шапочка по лесу, тут морда волка растерянная из кустов вылезает. Говорит: — Ты красная шапочка? Она: — Ну да! — К бабушке? — Да, к бабушке! — А в корзине пирожки? — Да! — Пирожки в бумажку завернуты? — Да. — Ну, что, дура, смотришь, бумажку давай!»; «Железнодорожная кассирша жалуется вошедшему в кассу начальнику вокзала: — Тут какой-то тип дразнится, строит мне рожи, кривя рот до уха и держа торчком палец у лба! — Дура, это глухонемой просит билет до Кривого Рога!».

Отрицательную оценку получают слова собеседника: «Мальчик говорит отцу: — Папа, кушать хочется, давай маму заколбасим? — Ты что *придурак*, у нас еще пол бабушки в холодильнике»; «Избушка, избушка, стань к лесу задом, ко мне передем! — Я так и стою, *дурень!*».

Если же субъект оценки и субъект предиката высказывания совпадают, то речь идет о самоосуждении либо раскаянии-сожалении: «Иван Царевич идет по лесу. Вечереет. Вдруг видит он избушку на курьих ножках. Выходит Баба-Яга и говорит: — А у меня только две кровати, на одной сплю я, а на другой моя сестра. Выбери, с кем спать будешь. Иван Царевич думает: — Не все ли равно, с кем спать? Ну и провел он ночь с Бабой-Ягой. На следующий день выходит, видит — какая-то красивая девушка стоит. Подходит и спрашивает: — Ты кто?» — Я — сестра Бабы-Яги. А ты кто? — А я *дура-а-к!*»; «Сидят два страстных болельщика футбола. Один другому: — Вот я давеча женский футбол смотрел, ну нет концовки и все. — Я тоже целых два тайма, как *дурак*, прождал, думал, как обычно майками будут обмениваться».

Таким образом, наблюдения над вербализацией глупости и ума в игровом дискурсе позволяют прийти к следующим заключениям.

Наиболее значимой и объемной разновидностью игрового дискурса с прагмалингвистической точки зрения выступает юмористический дискурс. Помимо литературных или речевых жанров сугубо комического характера, где игровой дискурс реализуется в «чистом виде», он может присутствовать в виде «коммуникативной тональности» за редким исключением во всех видах неигрового дискурса.

Игровая тональность дискурса создается при помощи самых разнообразных языковых средств и риторических приемов, формальных и семантических, ее целевая установка реализует-

ся в таких частных социокультурных функциях, как стремление развлечь и развлечься, привлечь к себе внимание, самовыразиться, снять напряжение, поднять свой дух и дух окружающих, поднять свой социальный статус, замаскировать назидательность сентенции и пр. В ней функционально выделяются два основных подвида: тональность «увеселительная», направленная на то, чтобы развеселить себя или получателя речи, и тональность «восхитительная», направленная на то, чтобы вызвать у получателей речи удивление и восхищение.

Игровое начало присутствует практически в любом литературном или речевом жанре, но обильнее всего она представлена в таких «полярных» жанрах, как афористика и бытовой анекдот.

«Увеселительная» функция игровой тональности афоризма ориентирована скорее на его языковую форму, в то время как его «восхитительная» функция ориентирована преимущественно на его содержание — «игру смыслов».

«Увеселительная» тональность афористических высказываний создается, главным образом, за счет обыгрывания системно-языковых и лингвокультурных связей присутствующих в них лексических единиц, а сами эти высказывания выглядят как каламбур.

Карнавализация как «игровое» обращение ценностей в афоризмах о познавательной способности осуществляется, главным образом, через «заземление», принижение статуса положительного члена ценностных оппозиций (ума и мудрости) и возвышение их отрицательного члена (глупости и хитрости).

Существенное увеличение доли развлекательно-игровых единиц в корпусе русской игровой афористики на фоне общего корпуса игровых афористических единиц объясняется тем, что открытое морализирование стало вызывать раздражение и авторы назидательных афоризмов стали маскировать назидательность с помощью языковой игры.

Главенствующая коммуникативная цель народного анекдота — создание комической ситуации, вызывание смеха, поэтому в произведениях этого речевого жанра практически полностью доминирует «увеселительная» дискурсная тональность при практически полном отсутствии интеллектуальной тональности.

Народные анекдоты — квинтэссенция карнавальской культуры, однако в отличие от афоризма, где карнавализация осуществляется преимущественно путем обращения аксиологического знака абстрактных понятий, в анекдотах уже «обращается» аксиологический знак прототипных персонажей: герои вы-

сталаются морально ущербными типами, интеллектуалы — придурками, мудрецы — простаками, а, в свою очередь, дураки оказываются мудрецами и хитрецы — героями.

Количественный состав этого корпуса анекдотов о познавательной способности человека свидетельствует о том, что обыденному карнавальному сознанию нет особого дела до мудрости и хитрости, анекдоты вращаются вокруг оси глупость-ум, а в фокусе их внимания пребывает традиционный герой — дурак, простак, шут, причем ум здесь носит характер некоего контрастного фона, на котором ярче выделяется глупость героев анекдота.

Преобладающей композиционным видом анекдота о познавательной способности является нарратив, лишь изредка здесь появляется рассуждение и еще реже описание.

На тематику анекдотов о познавательной способности не накладывается никаких ограничений: глупость высмеивается и в карикатурных образах известных персонажей, в представителях национальностей, профессий, возрастов, фигурирует в анекдотах о сумасшедших, пьяницах, наркоманах, гомосексуалистах и даже животных. Чаще всего, однако, глупость высмеивается в анекдотах бытовых, где фигурируют мужья, жены, любовники, тещи, отцы-матери и сыновья-дочери.

Языковые приемы создания комического эффекта в анекдотах об уме глупости универсальны и используются практически в любой разновидности юмористического дискурса. Это преимущественно средства создания каламбурности, прежде всего, полисемия и омонимия, как лексическая, так и грамматическая. Комический эффект здесь может создаваться обыгрыванием фразеологизмов либо прецедентных высказываний, а также возникать в результате несовпадения пресуппозиций протагонистов анекдотической ситуации либо участников общения.

Поскольку подавляющее большинство анекдотов о познавательной способности представляют собой короткие сценки с неожиданной концовкой, комический эффект в них создается, главным образом, за счет неожиданного, нелепого, странного развития ситуации и поведенческой либо вербальной реакции на него ее участников.

Преобладающей синтаксической функцией лексем «дурак» и «дура» в диалогических репликах анекдотов о познавательной способности человека выступает функция предикатива, передающего суждение о глупости субъекта, которая здесь не носит характера постоянного атрибута, а является, скорее, ре-

зультатом оценки одномоментных поступков этого субъекта. Через употребление этих лексем осуждаются действия или бездействие участников диалога, несообразительность и отсутствие должной логики в рассуждениях и речи персонажей, а при совпадении грамматического субъекта с субъектом оценки речь идет о самоосуждении либо раскаянии-сожалении.

ЛИТЕРАТУРА

- Анекдот [Электронный ресурс] // Википедия. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/?oldid=11355082>.
- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М.: Художественная литература, 1965.
- Белюсов А. Ф. Современный анекдот // Современный городской фольклор. — М.: РГГУ, 2003. С. 581–598.
- Бородин П. А. Вопросы происхождения и поэтики современного народного анекдота: АКД. — М., 2001.
- Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). — М.-Л.: Учпедгиз, 1947.
- Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. — М.: Гнозис, 1994.
- Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. — М.: Гнозис, 2004.
- Воркачев С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. — М.: Гнозис, 2007.
- Воркачев С. Г. Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре. — Волгоград: Парадигма, 2009.
- Воркачев С. Г. «Для большинства из нас так оно, пожалуй, и лучше»: карнавализация идеи справедливости // Ментальность народа и его язык. Вып. 3. — СПб-Севастополь: Рибэст, 2009а. С. 5–9.
- Воркачев С. Г. Карнавализация лингвоидеологемы «народ» в речевом жанре русского анекдота // Жанры речи. — 2013. № 1(9). С. 108–114.
- Воркачев С. Г. Карнавализация лингвокультурного концепта // Воплощение смысла: *conceptualia selecta*. — Волгоград, 2014. С. 238–305.
- Воркачев С. Г. «Антипафос»: карнавализация в лингвокультуре // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. — 2014а. № 1. С. 174–178.
- Воркачев С. Г. Интертекстуальность, прецедентность и лингвокультурный концепт // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов. — М.: ФЛИНТА-Наука, 2014б. С. 52–70.
- Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. — М.: МГУ, 1999.
- Дементьев В. В. Анекдоты семидесятых: взгляд лингвиста. — Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011.
- Евгеньева А. П. Словарь синонимов русского языка. — М.: Астрель-Аст, 2001.

- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. — М.: Русский язык, 2001.
- Карасик В. И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи. — Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С. 144–153.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 2004.
- Карасик В. И. Языковые ключи. — М.: Гнозис, 2009.
- Карасик В. И. Языковое проявление личности. — Волгоград: Парадигма, 2014.
- Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М.: Гнозис, 2003.
- Курганов Е. Анекдот как жанр. — СПб.: Академический проект, 1997.
- Руднев В. П. Словарь культуры XX века [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lib.ru/CUL-TURE/RUDNEW/slowar.txt>.
- Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. — М.: Языки русской культуры, 1999.
- СРЯ — Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1981–1984.
- Так говорил Черномырдин: о себе, о жизни, о России. — М.: Эксмо, 2011.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. — М.: Астрель-АСТ, 2003.
- Чиркова О. А. Поэтика современного народного анекдота: АКД. — М., 1997.
- Шилихина К. М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: АДД. — Воронеж, 2014.
- Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: текст и речевой жанр. — М.: Языки славянской культуры, 2002.